

Вопросы политической экономики

№ 4/2015 год

politec.su

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Бузгалин Александр Владимирович

главный редактор, д-р экон. наук,
профессор кафедры политической экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова

Мамедов Октай Юсуфович

зам. главного редактора, д-р экон. наук,
профессор, зав. кафедрой политической
экономики и экономической политики
экономического факультета
Южного федерального университета

Рязанов Виктор Тимофеевич

зам. главного редактора, д-р экон. наук,
профессор, заведующий кафедрой эконо-
мической теории Санкт-Петербургского
государственного университета

Тарасевич Виктор Николаевич

зам. главного редактора, д-р экон. наук, про-
фессор, заведующий кафедрой политиче-
ской экономики Национальной металлурги-
ческой академии Украины (Днепропетровск)

Белов Вадим Геннадиевич

д-р экон. наук, профессор, президент Воль-
ного экономического общества Москвы

Воейков Михаил Илларионович

д-р экон. наук, профессор, заведующий сек-
тором Института экономики РАН

Гайсин Рафкат Сахиевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий ка-
федрой политической экономики Российского
государственного аграрного университета
МСХА имени К. А. Тимирязева

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, профессор, заведующий
лабораторией МГУ им. М. В. Ломоносова

Лемешенко Петр Сергеевич

выпускающий редактор, д-р экон. наук,
профессор, заведующий кафедрой теоре-
тической и институциональной экономики
Белорусского государственного университета
(Минск)

Павлов Михаил Юрьевич

канд. экон. наук, доцент кафедры политиче-
ской экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

Пишулин Олег Владимирович

канд. экон. наук, вице-президент Вольного
экономического общества Москвы

Чекмарев Василий Владимирович

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой
экономики Костромского государственного
университета им. Н. А. Некрасова

Цаголов Георгий Николаевич

д-р экон. наук, профессор Международного
университета в Москве

Хубиев Кайсын Азретович

д-р экон. наук, профессор кафедры политиче-
ской экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

Худокормов Александр Георгиевич

д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой истории народного
хозяйства и экономических учений
МГУ им. М. В. Ломоносова

Яковлева Наталья Геннадьевна

ответственный секретарь журнала,
канд. экон. наук, доцент, ведущий научный
сотрудник Института экономики РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

Алиев Урак Жолмурзаевич *(Казахстан)*

д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Образовательной корпорации «Туран»

Гринберг Руслан Семенович *(Россия)*

д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН,
директор Института экономики РАН

Котц Дэвид *(США)*

профессор экономического факультета
Университета Массачусетс (Амхерст)

Лейн Дэвид *(Англия)*

академик Академии социальных наук
(Кембридж)

Сампетай Матсас-Михаил *(Греция)*

профессор Афинского национального
университета

Некипелов Александр Дмитриевич *(Россия)*

д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
директор Московской школы экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова

Пороховский Анатолий Александрович

(Россия)

д-р экон. наук, профессор, заведующий
кафедрой политической экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова

Самир Амин *(Египет)*

директор Форума третьего мира

Чен Енфу *(Китай)*

профессор, президент Академии марксизма
Китайской академии общественных наук,
председатель Всемирной ассоциации поли-
тической экономики

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

8 Бугалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович
«Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя
(об основных этапах эволюции позднего капитализма
и специфике его современного состояния)

В статье показано, что марксистская теория империализма столетней давности, будучи в «чистом виде» недостаточна для анализа современных реалий, тем не менее содержит в себе ключевые теоретические и методологические тезисы, которые позволяют адекватно отобразить ряд принципиально важных черт нынешнего, переходного к протоимперскому, порядка, суть которого состоит в том, что, во-первых, изменяется объект империалистического воздействия — не аграрный полуфеодалный мир колоний, а преимущественно индустриальные капиталистические и политически (формально) независимые экономики; во-вторых, изменяются методы империалистического давления, основным из которых становится корпоративное манипулирование в рамках формально равных для всех правил свободной конкуренции; в-третьих, осуществляется накопление через изъятие, позволяющее присваивать новые формы империалистической ренты. В статье также анализируется вопрос о том, можно ли определить Россию как новую империалистическую державу.

24 Мареев Сергей Николаевич
Метод «Капитала» и метод экономикс

Статья посвящена анализу методологических оснований экономикс — эмпиризму и эволюционизму. Автор показывает ограниченность данной методологии на основе анализа «философии науки» от Милля до Лакатоса и экономической теории XX века (М. Фридман и др.). В статье противопоставляется позитивизм как методологическая основа экономикс и конкретный историзм как методологическая основа «Капитала» Маркса. Особенности конкретного историзма раскрываются с привлечением работ Э. Ильенкова и Л. Выготского.

37 Плетнёв Дмитрий Александрович
Проблема отчуждения: вызов для политической экономии XXI века

В статье рассматриваются современные грани проблемы отчуждения человека и возможности его преодоления при помощи политической экономии. Рассматривается эволюция и современное состояние проблемы отчуждения в современном обществе. Особое внимание уделено таким разнообразным аспектам отчуждения, как поощрение инфантилизма, эмансипация, отчуждение в любви, интеллектуальная собственность, идеологическое принуждение и «мягкая сила», гиперформализация. Обосновывается важнейшая роль науки, образования и культуры в преодолении отчуждения человека, в том числе — роль политической экономии как методологической научной основы для формирования неотчужденного образа мыслей и преодоления проблемы отчуждения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА:
РОССИЯ, ЕВРАЗИЯ, МИР

53 Альпидовская Марина Леонидовна, Кладова Анна Анатольевна
Тенденции эволюции конкуренции в банковском секторе России
с позиций современной политической экономии

В статье представлены результаты выполненного авторами в ключе современной политической экономии исследования особенностей диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России. Авторы выделяют три этапа такого взаимодействия, а также предлагают модель спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния)

Бузгалин Александр Владимирович

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии
МГУ имени М. В. Ломоносова
buzgalin@mail.ru

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, заведующий лабораторией экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
onaglo@mail.ru

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, империализм, протоимперии, накопление через изъятие, Россия

Keywords: Marxism, political economy, imperialism, proto-empires, accumulation by dispossession, Russia

Тема империализма в последние годы рассматривается почти исключительно как геополитический вопрос. Однако корень нынешних противостояний в военно-политической сфере, как мы постараемся показать ниже, лежит в системе производственных отношений капитализма и особенностях его современной фазы — фазы перехода от неолиберальной модели глобального [позднего]¹⁾ капитализма к образованию

новых протоимперий. И понять эту нынешнюю специфику мы можем, только если применим историко-логический анализ, ибо истина конкретна, а конкретное, как это заметил еще Гегель, есть не результат, но результат со своим становлением.

Этот методолого-теоретический подход достаточно явно проявляет принадлежность авторов к направлению, которое по имени его родоначальника принято называть марксизмом. Выбор

---

¹⁾ Понятие «*поздний капитализм*» вошло в научный оборот преимущественно со второй половины XX века, хотя появилось ранее. В своей работе «Глобальный капитал» авторы показали, что это *такая стадия развития капиталистического способа производства, на которой дальнейший прогресс последнего возможен только за счет*

противоречивого включения в ткань социально-экономической жизни ростков посткапиталистических (и, в частности, пострыночных, таких как, например, планирование) отношений [6]. Наиболее близкая к авторской позиция представлена в работах Э. Мандела и Ф. Джеймисона [51, 55].

этой парадигмы не случаен. И дело здесь не только в том, что авторы принадлежат к этому течению. Дело в том, что сам предмет — качественные подвижки в экономических, социальных и политических процессах — требует исследования прежде всего динамики объективных общественных противоречий, т. е. использования теории и методологии направления, которое получило имя «Постсоветская школа критического марксизма», превратившегося в последнее десятилетие из самоназвания [4–6, 41–44] во все более признаваемое, причем не только в России (на русском языке: [11]; на китайском языке: [45, 50, 53, 54, 60]), течение современного марксизма. Приведем названия основных коллективных работ постсоветской школы критического марксизма, изданных за последние 15 лет по итогам международных конференций: [13, 18–21, 28, 29].

Такая методология исследования позволяет сделать столь же простой, сколь и важный вывод: хронотопы²⁾ империализма могут быть разными и даже, более того, качественно различными. Несколько упрощая, этот тезис можно переформулировать в совсем уж банальное, но не перестающее от этого быть важным, утверждение: *в разные периоды истории (хроноса) и в разных частях света (топоса) существовали разные по содержанию типы агрессий*

²⁾ Хронотоп («времяпространство») — в широком смысле — философское понятие, введенное в отечественную науку М. Бахтиным и отражающее единство пространственно-временных характеристик объекта. В работах Бахтина использовалось первоначально для философского осмысления художественных произведений и рассматривалось как втягивание пространства через сюжетное развитие в процесс движения, вследствие чего пространство обволакивает собой ось времени, а само время сгущается и уплотняется [3, с. 234–407]. Ниже это понятие используется авторами применительно к общественным процессам и явлениям как обозначение такого единства социального пространства-времени, когда некий феномен имеет *взаимосвязанные* пространственные и временные координаты.

*и империй*³⁾. И сегодня, в XXI веке, в разные периоды социального времени в разных анклавах социального пространства есть разные типы экономико-политических образований, ведущих себя как [прото]имперские социумы, характеризующиеся большей или меньшей степенью экономической, политической, культурно-идеологической и даже военной агрессии.

Запомним эту посылку и посмотрим на одну из наиболее разработанных в рамках марксистской парадигмы теорий империализма — ту, что была создана в начале XX века и в рамках которой была достаточно строго представлена теория империализма как высшей (на тот момент) стадии развития капиталистического способа производства.

* * *

Исторические процессы, как известно, имеют свойство повторяться. Произшедшее первый раз как трагедия во втором своем обличье может оборачиваться фарсом. Но, к сожалению, это правило срывает далеко не всегда. Вторая мировая война оказалась трагедией человечества в еще более интенсивном смысле, чем Первая.

Что же касается нынешнего, характеризующегося появлением протоимперий, империализма, набирающего силу сто лет спустя после появления на мировой арене того, что было описано в начале XX века всемирно известными авторами (мы ограничиваем свой круг близкими к марксизму исследователями [9, 12, 26]), то в своем агрессивном экспансионизме он мало чем уступает собрату вековой давности, и если

³⁾ В теории это находит отражение во введении в научный оборот обоснования новых типов империй (и соответствующих им типов империализма), существующих в конкретные периоды истории и в конкретных частях света. Так, ряд авторов применительно к анализу тенденций, наблюдаемых в Латинской Америке и Южной Африке, вводят термин «добывающий империализм» (extractivist imperialism) [59].

чем-то и напоминает фарс, то только фарисейством и стремлением делать хорошую мину (защиты «общечеловеческих ценностей») при плохой игре (стремлении к глобальной гегемонии).

Но обо всем по порядку. Написанная В. И. Лениным в разгар Первой мировой войны и предельного обострения противоречий мирового капитала небольшая «брошюра» (как он сам ее называл) «Империализм как высшая стадия капитализма», на наш взгляд, может быть положена в основу анализа первого этапа самоотрицания позднего капитализма. В этом очень ярком, с элементами публицистики, но вместе с тем и очень емком теоретически тексте Ленин не только представляет свою точку зрения, но и критически синтезирует (обратим внимание на большую подготовительную работу, проделанную этим ученым в «Тетрадах по империализму» [25]) выводы своих коллег по исследованию империализма. Не случайно поэтому один из авторов вышедшей в 2007 году и ставшей весьма известной коллективной работы «Lenin. Reloaded» («Ленин. Перегрузка») акцентированно подчеркивает актуальность большинства сделанных Лениным характеристик империализма для ситуации, сложившейся в начале нынешнего века [23, 52].

Напомним эти характеристики, когда-то известные каждому студенту, а ныне мало знакомые даже профессионалам: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой степени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружили черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть сме-

на капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями <...>

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить все сторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого „финансового капитала“, финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [24, с. 385–387].

Мы нарочито привели столь странную выдержку, чтобы вновь обратить внимание читателя на эти положения. И хотя мы в полной мере отдаем себе отчет, что эти характеристики прямо не применимы к реалиям 2010-х годов, но при этом мы убеждены, что они принципиально важны как *генетически-всеобщая определенность империализма* — этого исходного пункта и всеобщей формы позднего капитализма.

Последний методологический «эксерсис» требует пояснений.

Ставшее одним из интереснейших новых методологических открытий Э. В. Ильенкова в области диалектической логики понятие генетически-всеобщего мало известно теоретикам в области социальных наук⁴⁾. Между тем, оно позволяет определить системное качество изучаемого предмета и, одновременно, всеобщую форму его бытия. Подобно тому как прапрапрадед Иванов задает генетическую всеобщность и всеобщность формы (фамилию) всему роду Ивановых, так и в области социального развития *генетически исходное отношение системы задает его системное качество и всеобщую форму*. Для капитализма таким отношением-категорией является (и это доказано в «Капитале») товар⁵⁾, для позднего капитализма — «подрыв» (В. И. Ленин) отношений товарного производства и — далее — капитала со стороны локально и частично регулирующих рынков и найм работников крупнейших корпоративных капиталов и государства. Наиболее яркая черта этого процесса — «подрыв» свободной конкуренции

⁴⁾ Подробнее о методологии выделения генетически-всеобщего качества (Ильенков [15]) или «клеточки» (Хессин [34]) в их социально-экономических исследованиях.

⁵⁾ «Богатство общества, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как „огромное скопление товаров“, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства» [27]. Диалектика развития «клеточки» в систему была точно и красиво раскрыта нашим учителем профессором Н. В. Хессиним еще в начале 1960-х гг. [32]. «Экономическая клеточка, — пишет Н. В. Хессин, — это простейшая экономическая форма, содержащая в зародыше все основные черты и противоречия данного способа производства. Из нее развивается вся многообразная система производственных отношений. Она играет роль: 1) исходного пункта в развитии данного способа производства, 2) основы, из которой развиваются и на которой покоятся все остальные, более сложные виды отношений, 3) постоянно воспроизводимого результата, следствия данной системы отношений, 4) всеобщей формы отношений между людьми в данном обществе» [32, с. 12].

монополией⁶⁾ — есть вместе с тем и характеристика империализма как монополистической стадии развития капитализма, этапа, с которого начинается «поздний капитализм» [48, 49, 51].

Далее мы предлагаем сделать шаг в несколько необычном для современной науки направлении: поставить проблему *исследования* не столько механизма функционирования этой системы, сколько *исторических* (с точки зрения эмпирически наблюдаемого развития предмета) и *логических* (теоретически фиксируемых) *этапов развития позднего капитализма*. Этот подход позволит предположить (пока это только гипотеза), что основные черты данных этапов станут ключом к пониманию конкретного целого (напомним: целое есть «результат со своим становлением») — современного капитала.

Исторически эти этапы относительно легко выделяемы.

Первый — генезис монополистического капитала, изменившего рынок (это признает в косвенном виде даже неолиберальная доктрина, выделяя несовершенную конкуренцию и антимонопольное регулирование как важнейшие черты современного рынка) и ставшего экономической основой империализма и колониализма образца начала XX века, вылившегося в конечном итоге

⁶⁾ «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее выростала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход капитализма к более высокому строю» [24, с. 385–387].

в кошмар Первой мировой войны⁷⁾. Используем для обозначения этого этапа определение «**империализм как особая (исходная) форма** [а вместе с тем и исторический этап] **позднего капитализма**»⁸⁾. При этом специально повторим:

⁷⁾ «Меня всегда приводят в смущение слова „священный“, „славный“, „жертва“ и выражение „совершилось“. Мы слышали их иногда, стоя под дождем, на таком расстоянии, что только отдельные выкрики долетали до нас, и читали их на плакатах, которые расклеивали, бывало, наклеивали поверх других плакатов; но ничего священного я не видел, и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю» [31, с. 256].

«Страшнее войны ничего нет. Мы тут в санитарных частях даже не можем понять, какая это страшная штука — война. А те, кто поймет, как это страшно, те уже не могут помешать этому, потому что сходят с ума» [31, с. 184].

«Война — это не атака, похожая на парад, не сражение с развевающимися знаменами, даже не рукопашная схватка, в которой неистовствуют и кричат; война — это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость. Это заплесневелые лица, изодранные в клочья тела и трупы, всплывающие над прожорливой землей и даже не похожие больше на трупы. Да, война — это бесконечное однообразие бед, прерываемое потрясающими драмами, а не штык, сверкающий, как серебро, не петушиная песня рожка на солнце!

Ведь если каждый народ ежедневно приносит в жертву идолу войны свежее мясо полутора тысяч юношей, то только ради удовольствия нескольких вожжаков, которых можно по пальцам пересчитать. Целые народы, выстроившись вооруженным стадом, идут на бойню только для того, чтобы люди с золотыми галунами, люди особой касты, могли занести свои громкие имена в историю и чтобы другие позолоченные люди из этой же сволочной шайки обделали побольше выгодных делишек, словом, чтоб на этом заработали вояки и лавочники» [2].

⁸⁾ Такое использование понятия «империализм» противоречит его другому смыслу — характеристике мира, в котором есть империи и, соответственно, колонии и метрополии, равно как и присутствующее в большинстве случаев угнетение первых со стороны вторых. Мы не отрицаем правомерность **и** этого, преимущественно геополитического, смысла понятия «империализм», но в политической экономии это понятие имеет иное, выделенное нами вслед за В. И. Ульяновым, содержание. Укажем, что, на наш взгляд, геополитический акцент (его делает, в частности, С. Амин [1]) во многом маскирует содержательно различ-

как исходная форма «заката» капитализма он будет генетически всеобщей чертой всего процесса, и потому все последующие стадии будут нести в себе в снятом виде черты **и** империализма (приведем аналогию: поскольку товар есть генетически всеобщая характеристика капитализма, постольку деньги есть **и** товар, равно как капитал также есть **и** товар).

Второй — период поиска моделей сознательного регулирования экономики в общегосударственных масштабах, начавшийся после (а) Первой мировой войны, (б) серии социалистических революций и других мощных антикапиталистических акций (всеобщих забастовок, вооруженных восстаний и т. п.)⁹⁾, а также (в) Великой депрессии и других мирового масштаба тектонических сдвигов «социальной коры» человечества, показавших ограниченность прежней системы. Эти поиски рождали очень разные варианты социально-экономических трансформаций.

ную природу отношений колоний и метрополий на разных этапах развития разнокачественных империй, фиксируя лишь внешние, абстрактно общие формы. В геоэкономическом и геополитическом отношении этот автор прав, но при этом он не точен в своей критике Ленина. Последний исследовал не столько пространственные, сколько сущностные аспекты. Ленин шел не «вширь», но «вглубь», и потому понимал империализм как особый — «закатный» период развития капитализма, на котором вследствие трансформаций качества и сущности капитала происходят геоэкономические **и** геополитические трансформации.

Подробнее о полемике по этому поводу в [16].

⁹⁾ Первая русская революция 1905–1907 гг., румынское крестьянское восстание 1907 г., Синьхайская революция в Китае 1911–1912 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России, гражданская война 1918 г. в Финляндии, ноябрьская революция 1918 г. в Германии, Баварская Советская республика 1919 г. в Германии, венгерская революция 1919 г., кемалистская революция в Турции, сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии, всеобщая стачка 1926 г. в Великобритании, гражданская война 1927–1936 гг. в Китае, марш безработных ветеранов войны на Вашингтон летом 1932 г., февральское восстание 1934 г. в Австрии, гражданская война 1936–1939 гг. в Испании, целая череда антиколониальных восстаний.

Победили в конечном итоге те из них, что при всех недостатках были в общем и целом скорее прогрессивными («Новый курс» в США, социал-демократические модели в ряде стран Западной Европы). Нельзя, однако, забывать и о сыгравших чудовишно негативную роль в истории и до сих пор сохраняющих определенные корни для возрождения регрессивных моделях (фашизм, национал-социализм). Поскольку именно первые задают основной — относительно прогрессивный — вектор трансформаций, постольку мы используем для определения этого этапа термин **«социал-реформистская модель [этап] позднего капитализма»** (в ряде случаев для простоты мы его будем называть социал-реформизмом, имея в виду не особое политическое течение, а именно названный выше тип позднего капитализма).

Третий период ознаменовал начавшийся с начала 1980-х гг. «неолиберальный рывок»: в представлении опять же практически всех научных школ конец XX века ознаменовался (а) относительным сокращением роли государства и как бы «ренессансом» рынка, а также (б) ускоренным развитием финансового капитала, чему немало способствовали (в) процессы глобализации (о новейших коррекциях экономической политики в пользу большего регулирования в ряде стран в период после кризиса 2008–2010 гг. — опять же, позже). Соответственно, для обозначения данного этапа мы используем термин **«неолиберальная форма [этап] позднего капитализма** (или, короче, неолиберализм)».

Существенно, что *каждый из последующих этапов снимает предыдущий*, т. е. не только отрицает, но и наследует черты предыдущего, причем логика «отрицания отрицания» приводит к тому, что неолиберальный этап по многим параметрам оказывается «восстановлением» многих черт первого — империализма.

К последнему сюжету мы еще вернемся. Сейчас же достаточно зафиксировать: выделенные выше этапы (империализм, социал-реформизм, неолиберализм) позднего капитализма хорошо известны, и их фиксацию можно считать вполне обоснованной эмпирически.

Глобальный капитал начала нынешнего века, воспроизводя и снимая в результате диалектического «отрицания отрицания» черты монополистической стадии эволюции капитализма (империализма), характеризуется рядом черт, которые являются следствием трансформации неолиберальной глобализации в протоимперское состояние и которые мы можем несколько условно назвать **«новым империализмом»**.

Кратко сформулируем их, отсылая заинтересованного читателя к их подробному исследованию и выведению в двухтомнике «Глобальный капитал» [4], опирающемся, в свою очередь, на широкий круг предшествующих исследований [1, 30, 38, 47, 49, 56].

Итак, «новый империализм» начала XXI века характеризуется тем, что глобальный капитал обретает ряд свойств, которые генетически наследуют, усугубляют и даже кое в чем отрицают свойства монополий начала XX века.

Во-первых, изменяется объект империалистического воздействия. Империалистический капитал, подобно своему «собрату» начала XX века, выходит за рамки государственных границ вследствие переразвитости национального капитализма и хронического внутреннего перенакопления капитала, но в этом «выхождении», осуществляющемся столетие спустя, есть и своя специфика. Последняя состоит, в частности, в том, что экспансия капитала-империалиста ныне направлена по преимуществу на индустриальный капиталистический и политически (формально) независимый объект — экономики стран периферии и полупериферии, а не на аграрный полуфеодалный мир колоний.

Отсюда, **во-вторых**, специфика методов империалистического давления. Хотя в ряде случаев они сохраняют все атрибуты «старого» империализма, но господствуют новые «правила игры». Формально это правила свободного рынка, на котором все национальные экономики и их фирмы выступают равноправными акторами. Ни колоний, ни метрополий, ни политико-военного давления как бы нет: все являются равными членами ВТО (отсюда, кстати, — неолиберальная риторика адептов этой системы).

Но как известно из старого оруэлловского высказывания, на скотном дворе «все звери равны, но некоторые равнее других». То же самое касается и сегодняшней глобальной экономики. Капитал-империалист начала XXI века (его типичный пример — ТНК) формально в большинстве случаев выходит на мировую арену как обычный атомизированный производитель, на равных конкурирующий с другими «игроками» и отличающийся от них только большей производительностью, лучшим менеджментом и т. д. и т. п. (сии «преимущества» ТНК подробно описаны в работах Бхагвати [10]). Но то, что это иллюзия, давно доказано в многочисленных работах критиков неолиберальной глобализации (например, [35, 36]), в том числе — в текстах авторов этих строк¹⁰. Современный капитал-империалист выходит на рынки национальных государств как (1) сверхкрупный капитал, достигший размеров, сопоставимых со средними национальными государствами (если ранжировать ТНК и крупнейшие страны мира по финансовому обороту — по ВВП для государств и выручке для корпораций, то 40 из 100 сильнейших экономик мира будут представлены корпорациями — см. табл. 1) и (2) обладающий

способностью проводить политику экономического, политического, идеологического манипулирования остальными акторами мировой экономики. Этот капитал становится субъектом империалистической агрессии, которая в некоторой мере (конкуренция с другими корпоративными капиталами и национальными государствами сохраняется!) подчиняет себе производителей, потребителей и общегосударственные институты (NB! Мы здесь говорим не о министерствах и министрах, а о «правилах игры» — подробнее см. ниже) стран периферии. *Капитал-империалист — это субъект агрессивного манипулирования*, а не просто крупная корпорация.

В-третьих, эти капиталы при помощи «родных» для них и, в конечном счете, им подчиненных государственных и международных институтов «центра» *устанавливают обязательные для всех остальных акторов мировых экономических, политических и т. д. процессов «правила игры»*. Эти правила (например, правила ВТО или те, что МВФ устанавливает для стран-кредиторов) выглядят, как мы уже заметили, формально равными для всех «общесовременными» нормами, характерными для свободного рынка, но по сути дела они являются институтами, обеспечивающими доминирование сверхкрупных транснациональных корпораций и являющихся их «родиной» государств и союзов (например, ЕС). «Равноправная» конкуренция высокотехнологичных, обладающих монополией на современные «know how» в области производства и управления корпораций, сопоставимых по размеру с иными национальными экономиками, и полуфеодалных «местных» производителей, «свобода торговли и движения капитала» при закрытости перемещений рабочей силы, открытость для приватизации любых объектов и фактический запрет на активные социальные и иные ограничения рынка, приоритет международных

¹⁰ Аргументы, показывающие неправомерность оптимизма адептов неолиберальной глобализации вообще и Дж. Бхагвати в частности представлены авторами в работе [6, с. 563–568 и др].

Таблица 1

100 крупнейших экономик мира 2014 года, включая корпорации, млрд долларов (в текущих ценах)*
 Источник: составлено авторами по данным Financial Times (рейтинг Global 500 2015)
 и World Bank [62, 63]

(заливкой в таблице выделены ячейки с данными по корпорациям)

№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.	№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.
1	США	17419,0	23	Аргентина	540,2
2	Китай	10360,1	24	Бельгия	533,4
3	Япония	4601,5	25	Венесуэла	510,0
4	Германия	3852,6	26	Норвегия	500,1
5	Великобритания	2941,9	27	Wal-Mart Stores	485,7
6	Франция	2829,2	28	Австрия	436,3
7	Бразилия	2346,1	29	Sinorec	433,3
8	Италия	2144,3	30	Иран	415,3
9	Индия	2066,9	31	Объединенные Арабские Эмираты	401,6
10	Россия	1860,6	32	Royal Dutch Shell	385,6
11	Канада	1786,7	33	Колумбия	377,7
12	Австралия	1453,8	34	Тайланд	373,8
13	Южная Корея	1410,4	35	PetroChina	367,9
14	Испания	1404,3	36	Exxon Mobil	364,8
15	Мексика	1282,7	37	Южная Африка	349,8
16	Индонезия	888,5	38	Дания	3420
17	Нидерланды	869,5	39	BP	334,6
18	Турция	799,5	40	Малайзия	326,9
19	Саудовская Аравия	746,2	41	Сингапур	307,9
20	Швеция	570,6	42	Израиль	304,2
21	Нигерия	568,5	43	Гонконг	290,9
22	Польша	548,0	44	Египет	286,5

* Данные в настоящей таблице приведены в текущих ценах. Если же при построении рейтинга 100 крупнейших экономических структур мира учитывать ППС, то соотношение изменится в сторону уменьшения числа корпораций, но общая тенденция — выход корпораций на уровень сопоставимости с национальными государствами — сохранится (подробная характеристика рейтинга 100 крупнейших экономических структур мира, построенного с учетом ППС, представлена в [37, С. 15–21].

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.	№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.
45	Филиппины	284,6	69	Daimler	157,0
46	Финляндия	270,6	70	General Motors	155,9
47	Чили	258,1	71	General Electric	148,6
48	Toyota Motor	249,0	72	Ford Motor	144,1
49	Пакистан	246,9	73	Petrobras	143,4
50	Ирландия	245,9	74	CVS Caremark	139,4
51	Volkswagen	244,8	75	McKesson	137,6
52	Греция	237,6	76	Венгрия	137,1
53	Португалия	229,6	77	E On	134,9
54	Ирак	220,5	78	Hon Hai Precision Industry	133,2
55	Алжир	214,1	79	Eni	132,8
56	Казахстан	212,2	80	AT&T	132,4
57	Катар	211,8	81	Украина	131,8
58	Glenscore	209,2	82	Ангола	131,4
59	Чехия	205,5	83	Valero Energy	130,8
60	Перу	202,9	84	United Health Group	130,5
61	Румыния	199,0	85	China State Construction Engineering	129,9
62	Total	194,2	86	Verizon Communications	127,1
63	Chevron	191,8	87	Amerisourcebergen	119,6
64	Samsung Electronics	188,5	88	Honda Motor	114,8
65	Вьетнам	186,2	89	Costco Wholesale	112,6
66	Apple	182,8	90	Hewlett-Packard	111,5
67	Бангладеш	173,8	91	Kroger	108,5
68	Phillips	161,2	92	Марокко	107,0

Окончание таблицы 1

№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.	№ п/п	Страна/корпорация	ВВП/выручка, млрд долл.
93	Tesco	106,5	97	Saic Motor	101,1
94	Nippon Telegraph & Telephone	105,9	98	Express Scripts	100,9
95	China Mobile	104,0	99	Эквадор	100,5
96	Nissan Motor	101,6	100	Словакия	99,8

правил, гарантирующих неприкосновенность частной собственности, по отношению к демократическому волеизъявлению граждан и т. п. — все эти и подобные им правила есть лишь по видимости равноправие. По сути дела это — развязывание рук для манипулирования экономикой и людьми со стороны крупнейших экономико-политических акторов [14, 57, 58].

Поэтому мы не будем углубляться в эту сферу, но запомним сформулированный выше пункт и дополним его еще одним, прямо из него вытекающим: осуществляющий империалистическую экспансию капитал не только устанавливает свои «правила игры», но и обеспечивает экономическими, политическими, а также военными средствами выполнение этих правил, являясь «мировым полицейским».

В итоге в мире распространяются практики, названные Дэвидом Харви *накоплением через изъятие* (accumulation by dispossession) [47, 49].

В-четвертых, «новый империализм» — это нечто большее, чем вывоз капитала. Глобальный капитал XXI века, осуществляя свою экспансию, не просто вывозит активы, но *подчиняет своему господству экономику третьих стран, формируя и сохраняя в своих руках контроль за технологиями, управлением и финансами этих национальных систем*.

В-пятых, этот капитал, являясь одним из участников кооперативно-кон-

курентного мирового финансового капитала, *контролирует мировую финансовую систему*. В частности, это эмиссия и контроль за обращением свободно-конвертируемой валюты (мировых денег, «золота XXI века»), подчинение системы международных расчетов и институтов, регулирующих мировые финансовые процессы (МВФ, Мировой банк и др.).

Наконец (и это последний по счету, но не по значению пункт), используя все названные выше свойства, такой капитал получает способность присваивать особую — «империалистическую» — ренту [38, с. 110–111, 127–128, 134].

Возвращаясь к проблемам внешней экономической, политической, идеологической и т. п. экспансии тех или иных национальных государств, можно сделать вывод, что в описанных выше современных условиях становления протоперий субъектами собственно империалистической политики становятся только те государства, которые обеспечивают «своему» глобальному капиталу возможность реализации хотя бы основных из перечисленных выше атрибутов глобальной гегемонии.

«Переводя» сказанное на социофилософский язык, *современную протоперрию можно определить как экономико-политический хронотоп, системным качеством которого является наличие у определяющих его капиталов основных атрибутов глобальной гегемонии*. Упрощая это социо-философ-

ское и вместе с тем политико-экономическое определение можно сказать, что субъект современного империализма — **протоимперия** — это такое социальное пространство (*топос* — сверхстрана, как США; группа стран, как ядро Европейского союза; глобальная сеть крупнейших финансовых капиталов), которое в настоящее время (*хронос*) используется глобальными игроками (ТНК и др.) как институциональное (в частности, обладающее правовыми, политическими, идеологическими и военными инструментами воздействия) оформление для манипулирования и, в конечном счете, подчинения третьих лиц. В частности, протоимперским быть национальное государство, используемое базирующимися в нем транснациональными корпорациями как механизм политического (в предельном случае — военного) подчинения внешних общественно-экономических систем. Последние в данном случае выступают в качестве **периферии** глобального политико-экономического пространства, **«центром»** которого являются протоимперии.

Транснациональные корпорации страны-империалиста в этом случае обретают не только политико-военную защищенность своей экономической экспансии, но и возможность проводить эту экспансию по правилам, которые обеспечивают возможность активного манипулирования экономическими акторами периферийной страны. Эти правила включают в себя как собственно экономические институты (формальная свобода торговли и инвестиций, открытость любых объектов для приватизации, отсутствие серьезных социальных ограничений для капитала), так и их военное (НАТО), правовое (приоритет выработанного ими же международного права и ими же в конечном итоге сформированные международные суды), идеологическое (приоритет т. н. «европейских» ценностей, являющихся по содержанию буржуазными политико-идеологическими инсти-

тутами), культурное (экспансия глобализованной массовой культуры и т. н. «элитарной» культуры), образовательное («болонская система») и т. п. обеспечение.

На этой основе формируются основания для экономического, политического, идеологического и т. д. подчинения страны периферии (ее экономики, политической системы, даже мировоззрения граждан) и, тем самым, для систематического извлечения империалистической ренты.

В той мере, в какой страна, являющаяся объектом империалистического давления, способна противостоять этому экономическому, политическому и т. п. давлению, она получает статус *полупериферии*. Некоторые из полупериферийных стран, и, в частности, Россия, пытаются использовать аналогичные империалистическим механизмы давления на своих более слабых соседей и/или создавать своего рода «оборонительные союзы». При внешнем сходстве ряда экономических, политических и даже военных механизмов, используемых в этих случаях, с механизмами «нового империализма», природа первых оказывается существенно отлична от собственно империалистического подчинения. Последнее, правда, отнюдь не означает само по себе, что политика полупериферийных стран автоматически становится от этого более прогрессивной.

К этой теме мы вернемся в заключительной части нашего текста, а сейчас сделаем еще одну ремарку — последнюю в этом разделе по месту, но не по значению. *Не все внешние воздействия, осуществляемые акторами стран центра, являются импульсами империалистической агрессии*. В некоторых случаях государства «центра» или базирующиеся в них организации (социальные НПО, движения и т. п.) могут оказывать и прогрессивное воздействие на внешнюю среду. В том, что касается государств, это скорее исключение. Более того, в большинстве случаев

эти позитивные практики империалистических государств включены в их экспансию и подчинены в конечном итоге базовым задачам манипулирования и извлечения империалистической ренты.

Но социальные движения и другие *контр-гегемонистские, альтерглобалистские силы* этих стран [22, 61] в большинстве случаев как раз позитивно влияют на мировые и политико-экономические и социокультурные процессы, и *страны периферии и полупериферии могут* (а мы бы сказали даже жестче — должны были бы) *использовать антиимпериалистический потенциал внутренней оппозиции стран центра*, работая в диалоге и содружестве с ними, как это делают, например, Венесуэла, Куба и некоторые другие страны Латинской Америки и Азии.

Еще более интересным является вопрос, могут ли «обычные» национальные системы достаточно большого масштаба (страны с полупериферийной моделью позднего капитализма, такие как Китай, Индия, Россия, Бразилия...) в условиях нынешней, характеризующейся формированием протоимперий, ситуации, стать объектами не только сопротивления имперскому давлению стран «центра», но и сами выступить как своего рода «периферийные империи»¹¹⁾?

* * *

Ответ на вопрос, *может ли страна полупериферии быть империалистическим агрессором*, уже стал полем активных дискуссий (например, [40]). На наш взгляд, может, но лишь в некоторых проявлениях и отчасти. Уточним. Исходя из сказанного выше, мы можем определить как «центр» те экономико-политические пространства (страны, их союзы, сети глобальных игровых), которые

являются субъектами гегемонии (в частности, манипулирования другими экономико-политическими акторами; полнее их атрибуты мы назвали выше).

Отсюда прямо следует, что противоположная сторона — «периферия» — *этим качеством обладать не может*. Точнее следовало бы сформулировать это утверждение так: *в той мере, в какой страна не обладает свойствами империалистического «центра», не имеет возможности осуществлять гегемонию, — в этой мере данную страну можно считать периферией. Как таковая она не может быть империалистическим агрессором* (что не отрицает того, что страны периферии могут быть субъектами иных — не империалистических — локальных агрессивных действий, даже войн; они их вели, ведут, и скорее всего еще будут вести).

Соответственно статус экономико-политического пространства как *полупериферийного* определяется как раз той мерой, в какой принадлежащие к нему акторы (страны, их союзы и др.) могут отчасти осуществлять локальные манипулятивные воздействия, распространяющиеся на отдельные ограниченные сферы мирового хронотопа.

Поскольку Российская Федерация и ее корпоративные капиталы на постсоветском пространстве в некоторых сферах и частично могут осуществлять манипулятивные воздействия на других акторов, постольку ее можно считать полупериферийной страной, у капитала и государства которой есть экспансионистские устремления (как и у всякого капитала вообще, а корпоративного капитала XXI века — в особенности).

Здесь, однако, есть несколько принципиально важных «нюансов», о которых мы не можем не напомнить в заключение.

Во-первых, как мы показали выше, масштабы и мощь российских ТНК и государства во многих аспектах вполне сопоставимы с аналогичными параметрами других стран СНГ (прежде всего,

¹¹⁾ Термин «периферийная империя» используется, в частности, в книгах Б. Ю. Кагарлицкого [16, 17].

Украины (до 2014 г.), Белоруссии и Казахстана). Все эти четыре страны могут быть названы «полупериферией».

Во-вторых, напомним, что в результате проделанного выше исследования мы доказали: *главная интенция капитала и государства РФ — войти в мировое пространство движения товаров и капиталов, корпоративных и геополитических манипуляций, идеологического и культурного давления на условиях, хотя бы относительно близких к тем, которые есть у капиталов и стран «центра»*. Реализация этой интенции, однако, получается у России очень слабо. Более того, Россия не является «центром», имеющим возможность манипулирования партнерами, даже в рамках ЕврАзЭС (и его преемника ЕАЭС). Иными словами, капитал и государство РФ — это хищники (как и любые капиталы и капиталистические государства), но хищники «второго уровня» — способные лишь (1) занимать ниши, временно высвободившиеся в процессе конкуренции основных глобальных игроков, (2) делить «объедки» мирового геоэкономического и геополитического пирога, конкурируя с такими же хищниками «второго уровня», и (3) иногда сопротивляться агрессии и уж чересчур наглому манипулированию со стороны хищников «первого уровня». Специфическими чертами глобальных капиталистических игроков (способностью манипулировать остальными участниками мировых экономико-политических процессов и устанавливать свои правила игры для всего остального мира) российские акторы (государство, корпорации и др.) не обладают. Единственное, что отличает РФ, это то, что, надеясь на наследие, оставшееся от СССР (ВПК и др.), государство РФ в 2014 г. посмело в «полтора» случаях (Крым и, отчасти, Донбасс) не следовать правилам, установленным глобальными игроками, и сделать то, что ранее позволяли себе делать только хищники «первого уровня» (в скобках заметим: именно этот —

третий в нашем перечне — параметр и заставил адептов власти «центра» (говоря строже — власти глобального корпоративного капитала) активно начать кампанию обличения РФ как империалистического агрессора...¹²⁾

Подытожим наши соображения по поводу сформулированного выше вопроса.

Корпоративный капитал и государство РФ:

- представляют собой не более, чем одно из образований, типичных для полупериферии позднего капитализма. При этом его специфика — постсоветское наследие и реверсивно возрождаемая позднефеодалная имперскость — создают *видимость* его империалистической природы;
- обладают некоторыми потенциальными возможностями быть империалистическим агрессором, но возможностей использовать этот потенциал у них пока почти нет;
- отчасти обладают одной (!) чертой *потенциального* (!) империалистического агрессора — имеют все еще мощный ВПК и осуществляют масштабный экспорт вооружений;
- позволили себе «полтора» проявления способности действовать против правил, навязываемых глобальными игроками;
- внутри страны представляют собой асоциальный и экстенсивно эволюционирующий тип полупериферийной модели позднего капитализма; во внешней сфере проводят типичную для капитала и государства

¹²⁾ Акцент на этом моменте сделан в очень интересной новой книге, подготовленной группой ученых США [46]. Ключом к позиции большинства авторов этой работы по названному вопросу может служить фраза Джона Макмурти, который повторил то, что авторы этих строк не раз говорили в России и за рубежом: «Впервые за последние 25 лет Россия заставила остановиться экспансию руководимой США транснациональной машины и НАТО» [46, с. 245]

крупной полупериферийной страны политику.

* * *

Суммируя основные положения данной статьи, мы можем сделать вывод: марксистская теория империализма столетней давности, будучи в «чистом виде» недостаточна для анализа современных реалий, тем не менее содержит в себе ключевые теоретические и методологические тезисы, которые, *во-первых*, позволяют адекватно

отобразить ряд принципиально важных черт нынешнего, переходного к про-тоимперскому, порядка и, *во-вторых*, может и должна быть дополнена современным марксистским (и близким к нему) исследованием позднего капитализма последних десятилетий, представленным работами Самира Амина, Дэвида Харви, Ноама Хомского и, в какой-то мере, авторов этих строк, что позволяет адекватно раскрыть природу этого явления, что мы и постарались показать в представленном выше тексте.

Литература

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Европа, 2007. 168 с.
2. Барбюс А. Огонь (Дневник взвода). М.: Правда, 1984.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
4. Бузгалин А. Марксизм: к критическому возрождению // Свободная мысль. 2008. № 3. С. 109–122.
5. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и суш. доп. М.: Ленанд/URSS, 2015.
6. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и суш. доп. М.: Ленанд/URSS, 2015.
7. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36–55.
8. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 3–25.
9. Бухарин Н. И. Империализм и накопление капитала. М.: Госиздат, 1929.
10. Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005.
11. Воейков М. И. Критический марксизм: Профессор А. В. Бузгалин и интеллектуальная современность. М.: Ленанд/URSS, 2015.
12. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / Новое пересмотренное издание. Пер. с нем. Н. Степанова. М.: Гос. изд-во, 1922.
13. Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / под общ. ред. Б. Ф. Славина. М.: Ленанд/URSS, 2013.
14. Ждановская А. А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? В 2-х кн. Кн. 1: Механизмы создания зависимости. Кн. 2. Россия в неолиберальной петле. М.: Ленанд/URSS, 2015. Кн. 1. 256 с. Кн. 2. 264 с.
15. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
16. Кагарлицкий Б. Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. М.: Ленанд/URSS, 2015.
17. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: URSS, 2012 (4-е изд. М.: Ленанд/URSS, 2016).
18. Критический марксизм: поколение next / под ред. Г. Ш. Аитовой, А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки-Бузгалиной. М.: Ленанд/URSS, 2014.

19. Критический марксизм: поколение next-II. Новый взгляд на методологию, постиндустриальное общество, социологию и практику / под ред. Г. Ш. Аитовой, А. В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014.
20. Критический марксизм: продолжение дискуссий / под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Слово, 2001.
21. Критический марксизм: русские дискуссии. М.: Экономическая демократия, 1999.
22. Кто творит историю — II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО / под ред. И. Абрамсона и др.. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011. 562 с.
23. Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине / под общ. ред. А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки, П. Линке. М.: Ленанд/URSS, 2011.
24. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969.
25. Ленин В. И. Тетради по империализму. Полн. собр. соч. Т. 28. М.: Издательство политической литературы, 1962.
26. Люксембург Р. Накопление капитала / Пер. под ред. Ш. Дволайцкого. М.: Соцэкгиз, 1934.
27. Маркс К. Капитал. Т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
28. Марксизм: альтернативы XXI века: дебаты постсоветской школы критического марксизма / под ред. А. В. Бузгалина. М.: Ленанд/URSS, 2009.
29. Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / под ред. А. В. Бузгалина, В. Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009.
30. Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4.
31. Хемингуэй Э. Фиеста; Прощай, оружие! Иметь и не иметь; Рассказы; Старик и море / Пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
32. Хессин Н. В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
33. Хессин Н. В. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7.
34. Хессин Н. В. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // Экономические науки. 1975. № 6.
35. Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству / Пер. с англ. И. Харламов. М.: Столица-принт, 2007.
36. Хомский Н. Прибыль важнее людей: неолиберализм и мировой порядок / Пер. с англ. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
37. Хусаинов Б. Д. Транснациональные корпорации и национальные экономики: сравнительный анализ развития // Вестник УГУЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. 2013. № 4. С. 15–21.
38. Amin S. Capitalism in the Age of Globalization. The Management of Contemporary society, L.–N. Y.: Zed books, 1997.
39. Amin S. The Law of Worldwide Value. 2nd edition. N. Y.: Monthly Review Press, 2010. 269 p.
40. BRICS: An Anti-Capitalist Critique / ed. by P. Bond, A. Garcia. London: Pluto-Press, 2015. 248 p.
41. Buzgalin A. Post-Soviet Critical Marxism // Transform! 2009. № 4.
42. Buzgalin A., Airu Ch. On the revival of Marxist Critical // Studies on Marxism. 2009. № 2. P. 120–129.
43. Buzgalin A., Kolganov A. Marx re-loaded: The Russian debate [Marx re-loaded: Il dibattito russo] // Il Ponte. 2013. V. 69, Iss. 5–6. P. 8–33 [In Italian].
44. Buzgalin A., Kolganov A. Re-actualizing Marxism in Russia: The dialectic of transformations and social creativity // International Critical Thought. 2013. V. 1, Iss. 3. P. 305–323.

45. *Chen, Hong*. Bu zi jia lin de ma ke si zhu yi zai xian shi hua si xiang shu ping [Бузгалин о реактуализации марксизма] // *Studies on Marxism*. 2012. Iss. 1. P. 145–150. [In Chinese].
46. *Flashpoint in Ukraine. How the US drive to Hegemony Risks World War III* / ed. by S. Lendman. Atlanta: Clarity Press, 2014. 269 p.
47. *Harvey D.* The "New" Imperialism: Accumulation by Dispossession // *Socialist Register*. 2004. № 40. P. 63–87.
48. *Harvey D.* *The Limits to Capital*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
49. *Harvey D.* *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 288 p.
50. *Hu, Xiaokun*. The "Choice" of the Fungibility Road — A Research of Russia 21st Century Socialist Revival Movement // *Socialism Studies*. 2013. Iss. 1. P. 141–147. [In Chinese].
51. *Jameson F.* *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991.
52. *Labica G.* From Imperialism to Globalization // *Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth* / Edited by S. Budgen, S. Kouvelakis and S. Zizek. Durham & London: Duke University Press. 2007. P. 222–239.
53. *Lin, Yanmei*. Byzgalin and the School of "Post-Soviet Marxism" // *Modern Philosophy*. 2010. № 3. P. 28–33. [In Chinese].
54. *Lin, Yanmei*. e luo si ma ke si zhu yi yan jiu de dang dai zou xiang bu zi jia lin si xiang ping xi [Современные направления исследования марксизма в России — размышления Бузгалина] // *Journal of The Party School of The Central Committee of C. P. C.* 2010. Iss. 4. P. 32–35. [In Chinese].
55. *Mandel E.* *Late Capitalism*. L.: Verso, 1975.
56. *Mészáros I.* *Beyond Capital: Toward a Theory of Transition*. L.: Merlin Press, 1995. 994 p.
57. *Toussaint E.* *The World Bank — A Critical Primer*. London–Toronto–Cape Town–Liège: Pluto Press / Between the lines / David Philip Publisher / CADTM., 2008.
58. *Toussaint E., Millet D.* *Debt, the IMF, and the World Bank: Sixty Questions, Sixty Answers*. N. Y.: Monthly Review Press, 2010. 368 p.
59. *Veltmeyer H., Petras J.* *Imperialism and Capitalism: Rethinking an Intimate Relationship* // *International Critical Thought*. 2015. V. 5. № 2. P. 164–182.
60. *Yao, Ying*. bu zi jia lin xin ma ke si zhu yi she hui zhe xue chu tan [Начальное изучение социальной философии нового марксизма у Бузгалина] // *Tian Fu New Idea*. 2007. Iss. 2. P. 14–16. [In Chinese].
61. <http://www.bezrodnycosmopolit.com>
62. <http://im.ft-static.com>
63. <http://data.worldbank.org>